

Клубок из нежных касок

НИКО БРЕЗГАШВИЛИ

Мгновение она стояла неподвижно. Жизнь ее тела в этот миг была полна первородных сил земли, словно замедленная, тихая жизнь богатых рудных недр.

Григол Робакидзе «Меги. Грузинская девушка»

Женщина и мужчина — два лица одного существа — человека; ребенок же является их общей вечной надеждой.

Андрей Платонов «Душа мира»

Глава 1

Дробящий грохот. И Бога здесь, кажется, нет. В метре от меня падает громадная горящая балка — это просто случай, один из миллиона, связь движений, к которой каждому придется привыкнуть. Становится страшно, когда понимаешь, насколько легко застрять в нескончаемой цепи пробуждений. Сон полностью исчезает, но вместе с ним исчезает и абсолютное бодрствование, ты отвратительно неудобно помещаешься между ними — гнилая сардина в банке, слизь на стенках, бесполезный мусор. Ты мешаешь капризному царю бойни, ты противен владыке вселенских мук — он найдет тебя, ни за что не простит и обязательно придумает сотню наказаний. Мы все находимся во власти его, скрывая экстаз от беспрекословного преклонения. Мы боимся всего и потому, услышав очередной приказ, начинаем терпеливо готовиться к новому убийству — это передалось от запуганных предков.

И снова дробящий грохот. Что-то кричат неразборчиво и надрывисто.

Даже не стараюсь разобрать слова, ведь они здесь больше не играют никакой роли. Ничего человеческого, лишь животный рев, вызванный яростью, нестерпимой болью и нескрываемым безумием. Я тоже хочу кричать, но совсем не хочу приобщаться к кричащим, становиться частью их необузданного племени, разделять их методично умерщвленные мысли.

Почему они так неприятны мне?

Нечаянно наступаю на почерневший кусок разбитой каски — использованное средство предохранения для головы, которое ни от чего не смогло защитить. Всем наплевать на правила и советы — акт с выстрелом стремительно набирает популярность, несмотря на быстрый конец.

Пролетает жирная наглая пуля прямо мимо моих осоловевших глаз, навсегда выбравших кроваво-красный на линии ада, и врезается в несчастного принимающего. Он молод, кажется, лет двадцать шесть, не больше, высок и плечист, мы пару раз виделись на сборах. Его любовь к огню тушат непростительно быстро. Невольно сажусь на корточки и подаюсь вперед, опершись на одну руку. И вновь я невольно наблюдаю за этим беспомощным, неуклюжим, последним всплеском человеческой жизни. Куда она уходит и знают ли хоть что-нибудь об этом прекрасном месте великие предводители нашего многополярного мира? Окажутся ли они там когда-нибудь? Бесконечно надеюсь, что им повезет увидеть этот экзотический курорт своими глазами.

Страшная авария телесного толка. Точечно слезает и заворачивается жареная плоть, подрываются отделившиеся розовые кусочки и торжественно оголяется черно-бордовый центр — глубочайшая дыра, в которую без труда можно будет заглянуть, когда тела приедут забирать. Кончик аккуратного носа мигом вдавливается и исчезает, верхние передние зубы по команде покидают борт, а глаза на секунду закрывшись, словно в стекольном порошке открываются и обезумевшие ищут еле заметный облезлый хвост жизни, который, им, конечно же, ни за что не удастся поймать. Он опускается и неуклюже, из последних сил, испуганно хрипит, трясущимися пальцами слабеющих рук поддерживая сползающие с физиономии куски. Я не могу оторваться от его лица, которое мясными ошметками раскрывается, как бутон при повышении температуры — а она повышена, ох как повышена! Как же жарко в эпицентре смертельных отходов!

Мизерный остаток от человека смотрит на меня, и я съеживаюсь. Во взгляде нет и намёка на просьбу о помощи, юнец просто не может понять, что произошло, подобно ребенку в новых ботинках, угодившему в грязную холодную лужу. Вторая пуля нещадно вгрызается ему в спину, и он, промычав что-то бесхитростное, валится на горячую землю неподъемным мешком.

Лицо его, страшно деформированное, с чавканьем тушится о вспаханную почву, как мясной сигаретный бычок. Это покой? Покой ли это, отец? Меня рвет. Двадцать девятый. Это не я. Бодрее! Бодрее! Вперед! Вперед! Только победа! Только победа!

Глава 2

Открываю глаза в тесноватой палатке. Смотрят на меня три пары тлеющих мертвецких глаз. Поднявшись, выглядываю и понимаю, что абсолютно ничего не изменилось. Месиво во всей красе. Предлагают мне

поест. Хлеб режут тупым ржавым ножом, ломаются большие куски, крошки падают на землю, пропитанную кровью таких же едоков. Удобрение, на котором выросло не одно поколение и вырастут еще сотни, если останемся мы. В котелке разогревают бордовую жижу, пахнущую как плесень. В пятидесяти метрах от нас валяются оторванные грязные конечности.

Практически никак не реагирую. Стараюсь внушить себе, что зрелища подобные отвратительны и к ним нельзя привыкнуть. Понимаю, что я к ним совсем не привыкла, а просто отложила весь животный страх, накопленный в этом аду, на дальнюю пыльную полку. Я все же отказываюсь от еды и принимаю решение пройтись.

Жутко знобит, несмотря на невыносимую жару. Меня не перестают мучать огни, разгорающиеся в потертых черепах. Вижу лишь поля рытвин и семена-скелеты. Сначала иду медленно, твердо, но потом плуг войны заставляет меня ускорить шаг и стершиеся подошвы сапог, несущие меня вперед, под давлением теряют свой уникальный ритм. Легкая трусца, физические нагрузки перед новой бойней, я в строгой форме, закаленной в бесконечных пытках. Откуда-то издали доносится залиvistый смех — кто обитает в пустыне мертвых и тихих? Я оборачиваюсь. Сердце в груди стучит, кулаками стучит по стенкам в агонии. Я не знаю, где наша палатка — вокруг пустота и кровавый салат. Кричу, надрывая горло, дикой породой визжу, обезумевшая, гортань, извернувшись, хлопает мне спиралью из связок и мышц. Кричу своим, стараясь найти их, стараясь найти свой временный дом, где по воле жизни не я одна и крови хоть на жалкий литр меньше. Кричу долго своим, но понимаю потом, что мой жалкий визг, должно быть, слышат и чужие. Заткнув рот перепачканной рукой, на землю падаю, дышу смертью. Прямо перед моим большим поцарапанным носом, который болит и саднит с прошлой недели, я вижу кусок пожелтевшей фотографии, кусок не больше спичечного коробка. Пальцы не сгибаются, держу чопорно, там чья-то семья — лица улыбаются, чистые, нежные; счастливы, что у них кто-то есть или был.

Стараюсь вспомнить лица своих, не помню лиц и даже состава.

Пробегают дрожь, я небрежно сую серый обрывок в нагрудный карман. Неужели забыла? Судорожно, в животном страхе, в собачьей панике, в сучьем шоке, перебираю в голове всех оттенков картинке — там нет семьи, никаких друзей, только пот, слюна и кишки, что спустились на землю веревочной лестницей, после трех мощных ударов в мой мягкий живот.

Поднимаю глаза, такие же красные, наворачивается одна слеза — густая, огромная и черная как нефть, но не капает, ждет подходящей минуты, в которую будет удобно поднять меч на пересохшее горло. Не могу поверить в то, что вижу — надо мной ангелы и бурое солнце. Ангел спустился, потрогал каску, пальчиком детским погладил трещину, вдруг нахмурившись, на меня посмотрел и вновь оказался на самом верху, словно нас ничего не связывает.

Удар почувствовала слева в челюсть, немного встряхнулась, схватилась за рукоять, враг меня не застанет врасплох, я готова резать и сворачивать шеи, тонкие и горячие, пульсирующие неприятно до ужаса, однако боец это должен стерпеть. Слепая подмена. Вдруг силы покинули — будь что будет, закрываю глаза, представляю дом — второй этаж, моя детская спальня, две полки с книгами, ковер оранжевый, немного грязный из-за моих осенних туфель, что купила мама в лавке соседней. Потихоньку вспоминаю семью, ужины, нашу худую собаку, что любила лежать на моей кровати, пока я читала Кеннета Грэма. Радуюсь тихо, сопя невменяемо, нюхая грязный рукав и кусая распухший большой палец.

Возвращаюсь на поле: патроны падают с неба — холодные, ядовитые, желтые. Я начинаю рыдать. Бьюсь в истерике, диковатая, взъерошенная, сапоги носками взрезают грудь земли. В зубах остается пыльная трава, на которой лежали разные виды мяса: мясо счастливых и мясо несчастных, мясо глупцов и умников тоже, мясо хороших и мясо плохих, мясо сухое и мясо сочное, мясо живое и мясо мертвое, простое мясо и сложное мясо, мясо легкое и мясо тяжелое — разное мясо, совсем разное, ужасно разное, но такое похожее — в этих условиях мясо есть мясо, мясо, которое просто съедят. Пропадет это мясо в огромной пасти, жиром измазанной, с зубами острыми — для обладателя этой челюсти, мясо мясом не называется, скорее просто «мяско» готовое, прием пищи, качеством гожий. Я задыхаюсь, тону в патронах, что продолжают сыпаться с неба. Ныряю в них, моя каска — шапочка, слышу свисток и плыву к бортику. Длинноволосый тренер в белом, машет рукой мне, я снова ныряю. Лицо прекрасное, такое родное, но я к нему плыть не могу — не имею права. Глаза закрываются, вены вздутые, дыхание, чувствую, вот-вот закончится. Не утону в патронах, не задохнусь порохом — легкие вырву, надую, взлечу. Вот мой товарищ тянет руку, хватаю его за рукав, с такой же нашивкой, как у меня. Спасена временно, верно, вырвана из лап смерти, чтобы быть преданной новой жизни, которая смерти гораздо хуже.

Глава 3

Наконец. Воздух чистейший, свободный от гниющих телес — манит и заставляет дышать интенсивнее некуда. Чувствую — мне наступают на грудь. Падаю в пропасть, невообразимо глубокую, слева и справа вижу шинели, лица с беззубыми ртами стонут, руки царапают мое тело. Я продолжаю падать и плакать, у каждой пропасти должно быть дно — переворачиваюсь в полете на дырявый живот, но подо мной лишь мгла и орган дьявола.

Закрываю глаза в слепой надежде, но все становится только хуже — развороченные тела в приступах танцуют, глазами яблоками жонглирует черт, приплясывает детский призрак Мальвины, мой командир со свернутой толстой шеей пролетает мимо, злобно шипя, синим пальцам завидуя, дуло танка вырастает из горла, на него чинно садятся вороны черные. Кажется, я лежу в детской кроватке, вернее, я к ней прикована цепью, колыбель невыносимо громкая, время проснуться и идти в атаку! По-дилетантски приземляюсь сразу. Спина моя предательски болит, словно позвонки вырвали, залили молоком и съели утром, которое мир проведет под куполом нежной каски, совестно выполнив алгоритм зарядки.

Вдох глубокий. Открыла глаза — теперь все по-настоящему, никакой пропасти, снова поле боя. Приподнимаюсь, вижу вдалеке силуэт, моргаю, все взаправду — это такой же злой и немой человек, как я. Скрючившись, идет в мою сторону, но меня пока что не замечает — смотрит себе под ноги, держится за бок, вокруг которого расплылось маслянистое красное пятно.

Человек. Осторожно делаю шаг назад, готовясь отходить, но спотыкаюсь и роняю рюкзак, припасы танцуют — незнакомец напротив кое-как распрямляется в дряблой панике, весь трясущийся и растерянный и поднимает на меня глаза — я вижу в них глубокие кровавые болота, бьющиеся через раз сердца, подорвавшихся на минах, кипит жирный кисель из человеческих тел. Он боится меня, я боюсь ничуть не меньше, но условия вынуждают отбросить чувства, отдаться примитивным инстинктам, всецело принять безумного Бога контузии в свою душу и совершить оголтелый поступок. Поступок регулярный, поступок, который тут совершают изо дня в день, поступок, который обесценивает значимость человеческой жизни, поступок, который совершит он, если не решусь его совершить я.

Он успевает глуповато всхлипнуть в попытке мне что-то сказать, но я уже, крепко схватившись за рукоятку, такую родную, жму на курок и дрогнув всем телом, готовлюсь к отправлению незнакомца в последний путь. Пуля попадает в шею и тот инстинктивно убирает руку с правого

бока, чтобы заткнуть новую дыру, из которой хлещет струя темной жидкости. От бока его отлипает кусок коричневого грязного полотенца и предо мной открывается ужасная картина: настоящий рентгеновский марш мясных ошметков вперемешку с осколками. Этот бедолага, даже при всем своем желании, не смог бы в меня выстрелить. Сейчас он лежит на спине и хрипит, ошарашенно черпая землю руками. Я только что выстрелила в живого мертвеца. Подошла поближе и убедившись в том, что он жив, выстрелила еще раз. Я только что убила живого мертвеца.

Глава 4

От трупа сбежала, позорно скуля, даже расплакалась по дороге, еще раз вспомнила семью. Семья — давно забытое слово, которое я не хочу вспоминать. Но живы ли все? И жива ли я? С трудом, но все же отыскала товарищей, спящих в палатке, младенцев божьих. Их легко убить, легко оживить — но ни в одном из действий этих не будет смысла. Я тоже устала, мне хочется спать не меньше, чем каждому черепу в каске. Ложусь между двумя телами, грузными, с запахом пота и сырости, далекой победы, дешевого чая и смерти, пока что чужой. Глаза склеены вонючим клеем, их не распахнуть, даже взрезав веки, засыпаю в объятиях мяса живого, помня о вилке и о ноже.

Сняты руки и ноги в отдельности, нет инструкции, только детали, вижу каски, пробитые, в сотый раз, из глазниц вылезают трехглавые змеи. Кто-то зовет меня очень жалобно, голос детский, такой знакомый — хочу откликнуться, верчусь в панике, трясусь всем телом в холодном поту. Бегу на зов, удивительно быстро, земля взрывается под сапогами — падаю, а оклемавшись, встаю и снова бегу, ненавидя слабость.

Миновав километры и тысячи трупов, слышу голос все ближе и ближе, благоговею и плачу от счастья, мне голос этот важнее жизни. Вижу ручки, белые детские, мне навстречу наивно тянутся, я смеюсь, заливаясь искренне, тоже к ручонкам лилейным тянусь. Коснувшись рук, слышу мерзкие выстрелы, пугаюсь за жизнь маленького ангела. Еще выстрелы, еще и еще.

Какая жестокость, едко бессилие, виновник один — смрад равнодушия, толпы паскудных безвольных слуг, убивающих ради гроша. Опускаю глаза, а руки трясутся, выстрелы до сих пор продолжаются — ведь это в моих облезлых руках покоится сын-автомат. Личико детское больше не детское — черное, омертвевшее, страшное, огромная пасть распахнулась, и в ней я увидела сотню товарищей, испустивших последний свой слабый вздох. Их руки тщетно старались схватить меня, но я отступала, слыша звуки линии, те ненавистные, паршивые звуки, от которых меня тянуло блевать остатками веры и человечности. Убегала

в слезах через леса фаланг, оторванных в непосильных боях, за мною гналось привидение духа бойца — я его отторгала. Клянусь, отец, это не я.

Глава 5

Проснулась от удара в бок, встрепенулась и открыла глаза. За руки подвесили к железной балке, вокруг злые лица смеются отвратительно. Тот, что меня ударил, стоит в новой форме с тремя подбородками и усами.

Говорят между собою быстро, не могу уловить ни единого слова. Постоянно глядят туповато на нас, но не как на людей, скорее, как на рыбу в сети. Стараюсь найти товарищей взглядом, слева вижу первого — избит, но жив. Картина справа куда хуже, внизу второй товарищ без головы. Меня толкают в плечо, еще раз бьют, говорят, что скоро будет непомерно больно. Я, впрочем, уже готова ко всему, ведь хуже ситуации быть не может. Прошу воды у стоящего рядом, он бьет прикладом в ответ любезно, отправляет меня прямо в сонное царство. Мне снится дом, теперь я все помню. Каждый завтрак, обед и ужин. Каждого родственника и приятеля, старую радость и новую грусть. Любовь первую тоже помню, но где я сейчас, там любви нет. Поцелуи есть, в лоб целует дуло, я вполне готова и к такому исходу. Мне снится детство и игра в войну, где не вьются кишки и семьи не плачут — кажется, слишком многие выросли и правила начали вдруг забывать. Я знаю одно: проигрывать больше нельзя. Мое лицо семилетнее, чистое, глядит на меня через горы осколков. Оно наверху, а я в проклятой бездне, где отсутствует связь со свободным миром и все провода уже сгрызли крысы, что пища копошатся в труп бойца.

Бьют снова, бьют с азартом, жгут тела раскаленной проволокой. Мой товарищ, полумертвый, висит, должно быть жалея, что все еще жив.

Приходят двое, совсем зеленых, с прыщавыми лицами, испугом в глазах, забирают тела тех, кто покинул землю, на которой царит королевой война. Меня спрашивают что-то невнятно, в ответ мотаю разбитой головой — прилетает кастетом в ноющую челюсть, я выплевываю зубы на деревянный пол. По-детски обидно, по-взрослому страшно, хочется просто объявить антракт. Никогда не закончится представление, а десятки тысяч гниющих тел никогда не уместятся в один кузов. Они начнут выпадать на дорогу заснеженную, кровь и гной осквернят белизну — вероятно, я стану одной из них, пятном на холсте новой мирной земли.

Должно быть, я сплю, боль исчезла мигом, ноги не держат, вновь падаю в пропасть, которая подо мною открылась. И снова в полете вижу тонны грязи, ветки сломаны — не собрать вербу. Огромный пес скалит зубы и лает, обнюхивает мои раны носом, который покрыт комьями соли. Боль вернулась, я все чувствую, молю о помощи истошным криком — пес взбесился, рвет меня на части, хрустит ребрами, что податливо крошатся.

Показался доктор в синем халате, отогнал пса, усадил меня в кресло. Поинтересовался о моем самочувствии и достал грязную газовую горелку. Схватил меня за воспаленную шею, швырнул на пол и придавил сапогом, потоком огня начал жарить спину — она плавилась как ломтик сыра, который остался утром на блюде среди облизанных ложек и темных капель индийского чая. На мягкий живот опустилась сухая рука. С трудом я открыла глаза. Рождение.

Глава 6

Понять, что происходит, оказалось весьма нетрудно. Меня привязали к зеленому кузову, спина, разодранная, тащилась по горячей земле — мы медленно ехали на восток. Чуть правее, иногда касаясь меня, волоклось тело моего товарища, но, к моему ужасу, не на спине. Он вспахивал землю своим лицом, где лица и не было — кровавый гуляш, грудь отпустила его бедную душу, и та сквозь километры крови, все же пробралась наверх.

Скорее всего, болевой шок, ведь боли, как таковой, не чувствую — чувствую то, что я скоро умру и об этом мечтаю страстно и сладостно. В кузове сидит приторный уродец, издевательски хрюкает и хохочет, его физиономия идиотская напоминает задницу, изрешеченную пулеметом. Я очень хочу ему ответить, но не могу — рот открываю, губы шевелятся, но ни единого звука не слышно. Вокруг меня снова пляшут ангелы — такие милые, прекрасно невинные. Подхватывают меня дружно за ноги, и мы вместе взлетаем над страшным кузовом. Ангелы меня поят водой, прохладной и кристаллически-чистой. Я снова могу говорить и кричать.

Кричу безумно на всех и все, цепляясь руками за воздух. Ангелы вдруг поменялись в лицах — гримасы застыли на белом мраморе. Кто потревожил прекрасных созданий? Громадные крысы с зубами-мечами в крови наступают на минное поле — они регулярно приходят за мной. Ангелы разлетелись сразу же. Крыса серая, самая рослая и вся облезлая, начала царапать мою бедную спину. Остальные твари вцепились в меня, упорно стараясь разорвать на куски. Одна укусила меня в левый глаз, другая выцарапала когтями правый. Я ослепла и в ужасе начала безумно ворочаться. Теперь я не видела мерзких

чудовищ, но отчетливо слышала их дьявольский писк, слышала, как их безобразные челюсти жуют мои мышцы и хрустят костями, как по их гортаням стекает теплая кровь из моих щедрых и длинных вен. Я стонала, стараясь пошевелиться, чтобы их отпугнуть, но они прекрасно знали, что пугать у них получается лучше. Они видели во мне слоеный пирог и, прокусив тесто, жадно поглощали начинку. Меня трясло, я горела, была уверена, что сейчас взорвусь, подобно осколочной гранате.

Вдруг я услышала голос матери, она звала ласково меня с собой. Я не знала, куда она может звать, но больше всего на свете хотела туда с ней отправиться прямо сейчас. Мать сказала, что не может ждать. Я постаралась приподняться, но у крыс открылось второе дыхание, и они дружно взялись за мою истерзанную тушу с новой силой. Мать печально вздохнула. Я впала в кошмарную истерику. Звала ее, плакала, пускала слюни и кусала губы до крови. Ее голос затих. Она ушла. Я вдруг забилась в конвульсиях и закричала так истошно, что сама съежилась от испуга. На крыс, судя по всему, это тоже неслабо подействовало — они неожиданно остановились, после недовольно запищали и разбежались по сторонам. Ко мне вернулось зрение. Я опустила глаза вниз и увидела свой собственный скелет, на котором еле держатся небольшие куски потемневшего мяса.

Захотела неистово сделать вдох, но не смогла и потеряла сознание. Вращивание.

Глава 7

Наши подбили злосчастный грузовик, к кузову которого была привязана моя туша. Грохот. Истошные крики. Ритмичные выстрелы. Глухие удары.

Приблизившись, они первую пару минут говорили обо мне, как о мертвой. К счастью, я бессознательно жалобно простонала, и, к всеобщему удивлению, оказалось, что труп жив. Дорога была невыносимо долгой и мучительной.

Вернулась боль. Вернулось осознание происходящего. Вернулось все, что, в целом, могло, но никак не должно было вернуться; по крайней мере, сейчас. Меня начали посещать кошмарные видения о семье и детстве. Очень много спала, но сон был беспокойным и периодическим. Когда просыпалась, меня обильно рвало. Еще двое суток мой организм категорически отказывался принимать любую пищу. Неожиданно начинались приступы, схожие с эпилептическими. На третью ночь, я ужасно всех напугала, начав со всей дури биться головой о стенку кузова.

Шприцы для меня наполнялись из тяжелейшего, самого действенного арсенала, чтобы я перестала мучиться хотя бы на время. Говорили, что до этого я безостановочно рыдала и стучала зубами во сне. В один момент, начала думать, что мы никогда не приедем или нас подбьют точно так же, как и мы подбили тот грузовик. Меня изводила мысль о том, что я уже умерла и теперь принимаю наказание, проживая тошнотворные дни, недели и месяца в бесконечной поездке по раскаленным дорогам ада. На самом деле, все так и было, только я не умирала и ад был на земле. Прекрасно понимала, что много в чем виновата. Сны мне снились соответствующие.

В снах этих моя озверевшая винтовка выгуливала беспокойные пули, которые постоянно нарывались на незащищенных детей с наивными печальными личиками. Я стояла в центре горящего круга, по которому бегали мои безголовые товарищи со штыками и пронзали друг друга ради забавы.

Мои руки, отделившись от тела, душили щенков моей собаки. Я оставляла гранаты в детских колясках и наблюдала за взрывами из-за угла, направляла танковое дуло на дома, где обедали счастливые семьи и смотрела на растерянные лица в окнах. Я нервно смеялась, выкладывая из холодных тел неровный круг и хаотично плясала вокруг костра, в который подкидывала кости усопших. Огромные солдаты с простреленными висками брали меня с двух сторон и выжимали как тряпку — литры меня сливались в грязные кастрюли, и мертвый повар с лысым черепом зычным голосом звал всех к столу. Меня разливали по тарелкам и солили мелкими йодированными патронами. Я оказывалась в пищеварительном тракте каждого — в самом центре поганой системы. Через сутки, выйдя через задний проход, непонятное вещество вновь восстанавливало получеловеческий облик и рвалось в бой, на адскую линию. Когда мне снились такие сны, я, естественно, не спала — я видела реальность.

Глава 8

Проснулась, лежа на животе, на полу полуразрушенного военного госпиталя, слабая и засоленная в собственном поту. По ощущениям, я просто плавала в жиру — все вокруг было ужасно скользким и теплым, вонь стояла невыносимая, что-то вроде симбиоза бараньих внутренностей и прокисшего молока. Постаравшись привстать, я застонала от резкой боли и вновь плюхнулась в отвратительную субстанцию. Начала осматриваться по сторонам и весьма сильно об этом пожалела. Слева от меня лежала форма, даже не человек, вся развороченная, разобранная, изорванная. У формы правая рука

по локоть была обрублена, а ноги отсутствовали вовсе, голова была вся перевязана и напоминала большой кокон, в котором, однако, никто и ничто уже не переродится. Зрелище нестерпимое, если брать во внимание и тот факт, что формой могла и могу стать я. Справа от меня лежал новоприбывший с огромными голубыми глазами, у него была почти оторвана челюсть, которую он придерживал трясущимися, залитыми кровью, руками. Он беспомощно булькал, надрывно хрипел, и густая слеза монотонно стекала по его молодому лицу — страшнее всего умереть прямо здесь, среди криков немых и молчанья кричащих. Подумав об этом, я снова уснула, впитав в себя гной из бинтов.

Вот ямы огромные, шириной в километр, где лежат тела, одно на другом, без всяких стеснений и догм. Кого-то я знала, кто-то знал меня, сейчас разобраться сложнее некуда — спускаюсь в яму, чтобы рассмотреть их поближе. Руками перебираю руки, ногами пихаю погибших в ноги, роюсь в телах, одержима желанием найти хоть кого-то, кто был мне дорог и близок духом. Но лица, увы, все одинаковые, ноги, руки и их отсутствие тоже — поиск мой завершается быстро. Я в яму ложусь в один ряд с трупами, закурив, стараюсь чуть успокоиться. Начинаю думать о том, что я сплю. Но это ли сон? Вдруг мой сон — госпиталь? Враги довели меня до ямы, привязанной к кузову, чтобы я увидела своих мертвых союзников, когда-то мечтавших оказаться в бою. Вдруг один мертвец открывает глаза, абсолютно бесцветные, мелкие, злые, хватает крепко меня за плечо и тянет вниз, приложив все силы. Я понимаю — у ямы нет дна. Трупов внизу еще целое море и больше.

Тело мое погружается на глубину. Не могу задержать дыхание, и закрыть глаза, а трупы чинно разлагаются и смердят. Все новые руки, сухие и длинные, тянут меня ко дну. Мне нужно всплывать, скорее всплывать, но смерть непривычно сильна. Я почти на дне, туши свалены там, в огромную трупную кучу, в дико страшную сгнившую массу. У массы этой лицо одно — лицо огня и лицо бензина, лицо, которое поглощает все человеческое, что увидит, все человеческое, что не спрятано, все человеческое, что бессильно. Касаюсь дна и по телу бегут мурашки, совместимые в трупной гуще лишь с лихорадкой и спазмом. В таких условиях человек находиться не сможет — впрочем, наверху ничуть не лучше. Мертвый ад, где живых дефицит, или ад живой с дефицитом мертвых?

Решилась осмотреться — здесь целый город, построенный на костях костями. Света нет, очень холодно, сыро, ни единой души на улице не встретишь. Жир лица массы повернулся ко мне, показав зубы длиной

с дуло танка, такие желтые, как спелый лимон, такие острые, как заточка ночью.

Страшнее не может быть ничего, чем стать частью мертвой и глупой массы. Бегу, спотыкаясь о руки и ноги, что повсюду разбросаны небрежным творцом. Лицо массы бежит за мной, передвигая крошечные тонкие лапки, которых у нее ровно шестнадцать. Быстро теряюсь в клубке переулков, еле дышу, сухо кашляю с кровью — с трудом понимаю, что я в тупике.

Обернувшись, вижу лицо массы, медленно ко мне приближается, смакует момент привычного умертвляющего транса и облизывается черным языком мокрым. Я жмусь к стене, трясусь всем телом, ногой притопнув, начинаю кричать. Массу изрядно веселит мое поведение, она такое видела тысячи раз, типичная прелюдия перед интимом трапезы, которую запрещено пропускать. Подхватив с земли чью-то синюю руку, размахиваю в воздухе ею, чтобы хоть немного оттянуть момент приближения смертных мук и соединения с массой, что готова принять мой невольный последний дар.

В своей руке живой держу руку мертвого, который, быть может, перед тем, как стать пищей, тоже размахивал чьей-то рукой. Масса хватается зубами руку и сразу глотает, забыв прожевать. Я от страха сливаюсь со стенкой, закрываю глаза в ожидании. Слышно, как с хлюпаньем масса распахнула пасть, чувствую телом ее горячее дыхание — запах из сотни утроб, запах проглоченных тел в форме, запах скисшихся внутренностей, запах детских невинных слез, которые пахнут особенно странно, и о запахе этом я узнала сейчас.

Решаюсь открыть глаза, умереть с честью, не на поле боя и без пальца на влажном курке, но такой же смелой и почти свободной от сгустка мировых, далеких, проблем. Вижу пасть открытую, не особо пугаюсь, ведь я так же ее представляла все те двадцать секунд, что пробыла в забвении в темном пространстве, где можно благополучно ослепнуть, забыть своей жизни горький привкус и просто выпитывать сок убийственной, но сладкой на вкус всеобъемлющей лжи. Но вдруг глаза отвратительной массы наливаются кровью, начинают дергаться. Она начинает жутко хрипеть и в рвотных позывах морщится неуклюже. Из глотки показывается кривая рука, потом другая — кто-то усердно старается выбраться, нелепо за все цепляясь.

Наконец показалась и голова в серой каске с угрюмым лицом.

Два зеленых свирепых глаза на меня ядовито уставились с неожиданно метким упреком — несомненно, я, абсолютно забывшись, старалась

понять — это «свой» или нет, несмотря на то, что он такой же живой человек, который сейчас усердно старается покинуть чертоги липкой гортани ненасытной твари. Стыд обжег нежную шею мою кочергой, раскаленной в печке заброшенных хижин — я как ребенок нашкодивший подбежала неловко к ужасной массе и руку свою протянула в знак помощи незнакомому мне бедняку-солдату. Он рывками тела подался вперед, благодарно схватился за мою культю и дал понять, что тот самый «свой» широкой улыбкой отцовской. Вдруг он сжал мою руку сильнее, дернулся и слегка улыбнулся — я понимающе бодро кивнула, подошла еще ближе, чтобы легче было вытягивать утопающего из болота кишок. Вдруг этот сучий потрох решил пренебречь нашим прочным союзом и начал тянуть меня прямо на дно, кишачье трупами и озерами крови. Само собой, я по-ребячески обиделась, руку вырвала и солдат провалился туда, откуда так рьяно старался выбраться. Пасть массы захлопнулась с громким звуком, и тихо открылись мои глаза — я лежу в госпитале, мокрая и жалкая, полноценно безумная и наполовину живая.

Глава 9

Я с нетерпением ждала момента, когда придет моя очередь на осмотр. Врач в этом госпитале был не на шутку странным и слегка дерганным, но жаловаться не приходилось, ведь работал он в одиночку. Факт отсутствия дополнительного персонала говорил сам за себя: грязные койки, лужи крови на полу, повсюду бурые ошметки и останки бывших и нынешних пациентов, а также невыносимо долгое ожидание, за время которого можно было в прямом смысле умереть. Внешний вид врача так же не мог не ужасать — безумный, лишенный какого-либо смысла взгляд, засаленный потертый халат, ядовито-желтые очки с грязными линзами и мертвецки-худые кисти в бордовых перчатках. Он перемещался по пространству, словно привидение, которое не могло обрести покой. От койки к койке, от жизни к смерти и от смерти к жизни он переходил каждые пять-шесть минут. С каждым новым пациентом, с каждой новой гноящейся раной и с каждой новой ампутированной конечностью врач наш начинал выглядеть все старше и старше. Ужас мастерски старил людей, убивал в них свежие ростки, но не давал умереть самым засохшим.

Лишь позже я узнала, что ему едва исполнилось тридцать лет — такой возраст совершенно не увязывался с моими предположениями, которые незатейливо разгуливались от сорока двух до пятидесяти. В нем формировалась новая личность, оттесняющая ценность старой, человеческой — личность, способная пережить любое эмоциональное

потрясение, любую физическую боль, взрыв любой мощности прямо перед носом, сотни оторванных рук, ног и голов. Наш врач не просто видел смерть, он прекрасно понимал ее характер, повадки и шалости, вероятно, даже разговаривал с ней лично, не стесняясь спрашивать о планах на будущее и новых гостях, которым вскоре предстоит посетить ее обитель, что делало его еще безумнее. Атмосфера в госпитале преклонялась перед его выстрадавшей фигурой и вскоре тоже поросла густым мхом ядовитого безумия. Однажды ночью я проснулась от того, что пациент, лежащий через два места от меня, начал, ради забавы, душить подушкой своего соседа, а тот в свою очередь, брыкаясь, перевернулся вместе со своей койкой, которые тут, к слову, были весьма расхлябанными и ненадежными. Оба повалились на пол и начали судорожно там возиться, продолжая ход великого сражения. Грохот разбудил практически всех — эффект от неожиданного пробуждения пациентов оказался куда более мощным, чем я могла себе представить — сотня контуженных, шокированных, изорванных в боях героев разом истошно завопила и зарычала, вызвав у меня мурашки по коже.

Все дружно подскочили со своих спальных мест и начали, размахивая кулаками, бегать по госпиталю. Я крепко зажмурила глаза и накрылась одеялом с головой, стало не на шутку страшно. Снова началась война, куда меньшего масштаба, но уже между союзниками — война гражданско-больничная. Я лежала, задержав дыхание, изо всех сил стараясь, чтобы колебания моего тела не заметили. Гремели койки, неприятно хлюпали, судя по всему, свежие раны, глухо отдавали удары кулаков по широким лицам, звучно скандировались непонятные лозунги и оскорбительные фразы. А где же в это время находился наш врач? Порой около двух ночи (судя по его отсутствию во время смертельной бойни, сейчас на часах было где-то полтретьего), врач выходил снять напряжение в местный дом терпимости, который был, на самом деле, вовсе и не домом, а просто двумя комнатами на углу улицы — мне про это недавно рассказали мои внимательные братья по несчастью. Прелестное совпадение все-таки! Кому-то с барышнями поразвлечься — я на секунду выглянула из-под одеяла — а кому-то шприцом в ухо и лезвием по горлу. Так, получается, и выглядит пара инь и ян в мире крайних проявлений и неожиданных ситуаций.

Мою койку слегка задели, что заставило меня задрожать всем телом.

Продолжала наивно надеяться, что всю эту вакханалию удастся просто переждать. Аккуратно выглянув во второй раз и увидев над собой огромного полураздетого изрубленного мужчину с перекошенной

недовольной мордой, я поняла, что койку не «слегка задели», а намеренно толкнули, чтобы расширить границы боя и призвать новых воинов из далекого царства под одеялом. Надо мной грозно занеслась мускулистая волосатая рука с каким-то явно увесистым предметом, и я, решив, что тяжесть предмета этого проверять на себе не хочу, со всей мощи лягнула здоровяка в брюхо, сделав первый ход в нашем коротком поединке. Испуганно вскочила с кровати, чуть не запутавшись в одеяле, и побежала в сторону главного входа, уворачиваясь от грузных тел, то бессильно падающих на меня, то готовых покромсать на кусочки.

Почти добежав до дверей, я позорно споткнулась о чью-то бездыханную тушу и свалилась на пол. Сзади на меня кто-то набросился и начал колошматить по затылку. Я постаралась перевернуться, но нападающий оказался весьма тучным и перевернуться мне не удалось. Уже будучи уверенной в своей трагической и крайне глупой кончине, вдруг обнаружила валяющийся на полу острый обломок, происхождение которого меня на данный момент совершенно не интересовало — схватив его в уже слабеющую руку, я кое-как нанесла говнюку два нехилых удара, которые, вероятнее всего, пришлись в шею, ведь он тотчас же прекратил дикий залп ударов и оставил мою голову в покое. Сначала от моей спины отлипло одно колено, потом постаралось отлипнуть другое, а после горе-воин печально свалился с меня и прилег рядом с широко открытыми глазами, прижимая кровоточащую рану на шее — все-таки я была права — трясущейся рукой. В один момент, даже стало его немного жаль, но через некоторое время жалость эта прошла, оставив неприятный осадок от целостной картины происходящего.

Я начала медленно вставать, опираясь на руки, знатно тошнило и кружилась голова — мне, видимо, посчастливилось стать гордой обладательницей сотрясения. Еле встав и наскоро проанализировав причины своих неудач, я снова направилась к выходу, теперь внимательно смотря себе под ноги и ловко уворачиваясь от сумасшедших. Хватило меня до смешного ненадолго, уже через шесть шагов я глуповато зашаталась, как пьяный подросток, и на пару секунд остановилась, облокотившись на обшарпанную стену. Этой пары секунд было вполне достаточно — слева прилетел удар в бок, и я снова оказалась в никудышном, просто наиотвратительнейшем положении. Все превратилось в огромную чашку кофе, где возгласы, рев и стоны помешивал аккуратной ложечкой неизвестный. Внутри меня творился настоящий хаос, органы приступили к игре в американский футбол, а лоб раскалился до такой степени, что страшно было положить на него ладонь — неожиданно поймала себя на том, что думаю о смерти; это было совсем не вовремя. С трудом открыв глаза, я осмотрелась

и поняла, что лежу в позе эмбриона в пыльном углу, прямо возле выхода. Хаос непонятным образом централизовался в другой части госпиталя и вовсе забыл про меня. Упускать такой шанс мне было запрещено, ведь шанс этот жалкий и неприметный, вероятнее всего, был последним. Начала неуклюже вставать, хватаясь за все, что можно.

Держась за стенку, я уже приближалась к выходу, как вдруг увидела бегущего в мою сторону абсолютно невменяемого юнца со вспоротым животом, победно размахивающего сломанной ножкой от табуретки. Но не тут-то было — я уже вывалилась на улицу, буквально съехав с лестницы и открестившись от тесного безумия госпиталя. Нужно было срочно заняться поиском нашего врача. Глаза разбегались от огоньков, горящих вдоль улицы. Врач должен быть там. Я заметила один высокий дом. Там. Врач, определенно, там, иначе быть не может. Мне показалось, что дом вдруг встал и перебежал на другую сторону улицы. Я протерла глаза. Дома не было вообще. Знатно удивилась, еще более знатно возмутилась, уверенно шагнула, шагнула еще раз, уже куда менее уверенно и свалилась на холодную землю. Врач наш нерасторопный уже, должно быть, спит. Мне тоже непременно нужно отдохнуть.

Глава 10

Очнулась от того, что меня трясли — трясли, стоит признать, крайне аккуратно, даже боязливо, но все равно противно. Глаза открыла — ожидала увидеть виноватого врача, но увидела три совершенно незнакомых лица, диковатых и любопытных. Одна физиономия красная, широкая — мать, судя по всему. Две маленьких мордочки, испуганных, большеглазых — дети. Я постаралась встать, но не смогла, спина, само собой, еще не зажила, а к ней вчера прибавились и новые увечья — сейчас раскалывалась голова и саднило все тело. Постаралась узнать, где нахожусь, но из моего рта вышли лишь слабые бессвязные стоны. Отчаявшись, я просто закрыла глаза и продолжила стеснять всех своим присутствием.

Заботились обо мне три дня — регулярно поили чем-то горьким, меняли повязки и смачивали раны. Я же прекрасно играла роль безучастного человека в коме, лишь иногда из нее выходя по причине мучительного бреда и кошмаров, которые заставляли меня кричать. Вновь снились ямы с телами, проломленные черепа и лопнувшие легкие — все это вобрал в себя благородный образ моего сонного спутника. Меня кое-как лечили — я кое-как спала. В этом было что-то фундаментальное, очень важное для человечества, но почему-то до сих пор нераспознанное. Я теряла себя в этих расплывчатых формах отношений и не понимала, как реагировать на такую помощь. Все больше верилось в то, что я уже

умерла, ведь на Земле, происходящее со мной, было бы поразительной редкостью.

Детский смех эхом разносился по коридорам моего воспаленного мозга.

Иногда я часами с полуоткрытым ртом смотрела в пустоту и плакала. Совершенно забыла, против кого воевала, какие идеалы защищала и зачем брала в руки оружие. Мой мозг, выпустив всех наружу, закрывал входные двери. Теперь тихое безумие могло настичь в любой момент, и я прекрасно понимала, что убежать от него не получится. Я с этим уже ничего не могла поделать, но все равно ужасно боялась и болезненно охраняла жалкие остатки знаний в голове. Безусловно, хотелось бы забыть «все плохое», но не хотелось забывать хорошее, которого и так было до смешного мало. Я была услышана.

На четвертый день обстоятельства заставили меня вспомнить все. В дом, где меня выхаживали, прилетел снаряд. По глупому стечению обстоятельств, погибла совсем не я. Треск; ошеломленная, свалилась с кровати, все было в дыму, сквозь грохот прорывался женский крик — я сразу поняла, что произошло. Силы появились тут же — вскочила на ноги, вмиг сориентировалась и начала остервенело рыться в обломках. Нашла мать, взъерошенную, грязную и безумную — ногу ее придавил громадный фрагмент фигуры, которая еще пару мгновений назад была целой. Ситуация не могла не ужасать, нога под обломком сплющилась и стала похожа на раскатанное бордовое тесто — действительно, шокирующая травма, но кричала она совсем не из-за нее. Напротив выстроилась огромная груда обломков, на которую бедняга смотрела дикими стеклянными глазами.

Дети...

Я неуверенно подошла к дымящейся горе, уже зная, что наступил непрошенный конец. Рыдающая мать не отрывала от меня взгляда, в котором каким-то образом сохранялась слепая вера в лучшее. Трясущимися руками я начала разгребать кучу. Вероятнее всего, это было нелегко, но усталость тогда моментально исчезла — настолько сильным был страх, вызванный осознанием реальности. Куски дерева и осколки летели в разные стороны, кисти покрылись многочисленными порезами и начали кровоточить, но остановиться уже было невозможно. Ступор. Я выронила доску и упала на колени — мать, увидев это, истошно завопила и из меня тоже вырвался отчаянный крик. Я упорно отказывалась верить в то, что видела, но все же верила. Вперемешку с обломками валялись хаотично разбросанные куски, которые едва ассоциировались с человеческим созданием.

Перед глазами резко замелькали детские лица, искаженные и кричащие. Вокруг обломков начали водить хороводы маленькие безобразные черти. Над крышей дома вдруг показалась морда уродливой черной собаки с ядовитыми зелеными глазами — слюна ее капала прямо на останки. Я схватилась за голову, крепко зажмурилась и начала молиться — все исчезло, но, естественно, не навсегда. Машинально, растерянная, я продолжила копать в руинах, мать наблюдала за мной, но уже молча, ведь кричать не осталось сил. Показалась голова второго ребенка и несчастная вновь надрывно захрипела. Я, ощутив непонятный импульс, начала работать интенсивнее. Показалось маленькое щуплое тельце. Напрягшись, откинула последние доски и приподняла малыша. Дышит. Я, впервые за последние две недели, слабо улыбнулась и облегченно поглядела на мать, которая от неожиданности перестала рыдать, уставившись на собственное дитя.

Все надежды разом утонули в омуте отходов. Ребенок умер через двадцать минут прямо на ее руках. Горе проглотило этот дом, не пережевывая. Никогда еще за свою жизнь, я не видела, чтобы человеческое лицо принимало настолько страшное выражение — ужасная средневековая гримаса, от которой кровь стыла в жилах. Дважды потеряв, мать неожиданно обрела и вновь несправедливо потеряла. Немудрено, что она, в прямом смысле, обезумела от горя. Я кое-как вытащила ее из-под балки и вывела на улицу. Раздавленная нога безвольно болталась, очевидно было, что ампутация неизбежна. Это ее вовсе не волновало. Она падала на землю, хватала траву зубами и валялась в грязи. Мне срочно нужно было найти врача. Какой-то старик помог мне дотащить несчастную до местной лачуги, которую здесь гордо называли больницей.

Путь занял почти полтора часа, за это время женщина полностью потеряла рассудок. Пока я ждала врача, она пыталась биться лбом об острые углы и грызть ножки стульев. Навстречу нам вышел молодой стеснительный фельдшер, которому я кратко пересказала все произошедшие события. Он кивнул так, словно не понял ни единого моего слова и взяв под руку, потерявшую человеческий облик, повел ее куда-то через коридоры. Из палат начали выбегать черные псы и длинноногие дети, я попятилась назад и выбежала из больницы. Только сейчас мне удалось вспомнить бойню в военном госпитале и халатность нашего врача. Вспомнить удалось лица врагов, а заодно и родной курок. Вспоминать начала даже то, за чем я вообще сюда явилась. Дышать стало значительно легче — кислород мирно покинул ноздри и там обосновался запах пороха. Я вновь почувствовала себя в своей тарелке, в глубокой тарелке, что полна кровавого борща с гущей

останков — переживать не о чем, ведь жизнь моя в руках выдающихся поваров.

Глава 11

Вернулась сюда весьма неожиданно, без ощущения, что я вообще уходила. Снова в строю, соединилась с массами, дружными и в то же время враждебными. Стало гораздо легче, правда. Совсем другим стал жалкий настрой, страх меня любезно оставил, очень надеюсь, что это надолго. Часто смотрю на небо, оно очень изменилось, либо изменилась я, что тоже вполне допустимо. Ядовитый туман пускает армии серых оттенков, неустанно напоминающих о той страшной силе, которую мы неосознанно выпустили наружу. Кажется, за помилованием придется идти по битому стеклу босыми ногами. Стольких помиловать, полагаю, просто-напросто невозможно.

К удивлению, появился аппетит, ем за троих, но это тут непозволительно, поэтому оставим на уровне образного выражения. Общий настрой, в целом, мне симпатичен, хотя и слегка диковат — не могу на это жаловаться, находясь здесь. Наши много шутят, непрерывно рассказывают нелепые анекдоты — создается ощущение, что они готовились к такой обстановке всю свою сознательную жизнь и наконец наступил момент показать себя во всей красе. Ну и пусть, мне вовсе не жаль. О семье стала думать реже. Учитывая нюансы состояния моей памяти, могу и вовсе о ней забыть, чего, конечно, допускать крайне не хотелось бы. Потеряла способность концентрироваться и стала по-младенчески теряться — голова ведет себя совсем уж плохо. Нужно будет что-то с этим сделать, когда-нибудь потом.

Выдалась пара спокойных дней, чувствуется общая расслабленность, едва уловимая радость. Все бесцельно бродят по территории, старательно делая вид, что заняты делом — вернувшись, если повезет, они продолжат точно так же бродить по своим участкам.

Раны мои до сих пор болят и заживают до жути медленно, иногда пугаю себя тем, что они становятся все больше и скоро меня поглотят целиком. Со сном все стало лишь гораздо хуже, кошмары участились и совершенно не дают покоя — сняты большие полуразрушенные дома, болтливые половины людей и злые снаряды, готовые к очередным разгулам. С каждым разом все дольше и дольше, с каждым разом все ярче и ярче, с каждым разом все ближе и ближе — абсолютно невыносимо и мерзко, но выносить, тем не менее, приходится, другого выхода все так же нет.

Один из моих хороших товарищей вчера предложил почитать «Закон насилия и любви» Толстого. Уже два раза пыталась начать, но из-за плачевного состояния здоровья постоянно терялась, путала строчки и переставала понимать текст — было принято весьма разумное решение с этой затеей повременить. Уверена, что ничего фундаментального мной упущено не было и, как пить дать, есть дела поважнее.

Весь день с упоением слушала самую разную музыку, убеждаясь в том, что я по ней действительно скучала. Сейчас было плевать, что слушать, хоть звуки стирки или смыва бачка унитаза, лишь бы не звуки, которые слышны были постоянно в бою. За ужином самые довольные и сытые морды начали петь песню, остальные, недолго думая, идею поддержали. Голоса такие разные, вдруг слились в один, разрозненный и больной — клянусь, это был голос самого дьявола, который в такие времена, как правило, проживал рядом с подобными нам. У меня началась настоящая паника, вынудившая забыть про ужин и уйти.

Бессильно свалившись на грязный матрас, я уткнулась лицом в свою кофту и вдруг засмеялась, засмеялась от осознания всей глупости происходящего. Ощущения удивительным образом собрались в странную конструкцию, которая прочно укрепилась в центре моего сознания. Еще не до конца понимая, что происходит, я уже начинала чувствовать сигналы, заставляющие меня поддаться налаженной структуре жизни вояк. Ситуация медленно прояснялась, меня подпитывало незнакомое до этого наслаждение — наслаждение, получаемой от местной обстановки, которую я всего час назад искренне не могла терпеть. Вбирая в себя все, что когда-то отвергала, я заражалась боевым духом — духом смертельной и самой отвратительной заразы на свете.

Глава 12

Отдых закончился, и спокойствие тотчас покинуло наш уголок. Толком не очнувшись, но целиком и полностью погрязнув в безумии, я вновь оказалась на ядовитой горячей земле, впитавшей всю палитру адской ненависти. Не смотря на часы, с невероятной точностью, любой из нас мог заявить — пришло время беспощадно кромсать. Порвав плеву затишья, разъяренное скопище бросилось в долгожданный бой. Примирившись с полоумным буйством, я резко потеряла интерес искать смысл происходящего. Дико все разом сорвались со своих мест и смешались с таким же обезумевшим стадом — мне этого было вполне достаточно. Я, как и полагалось, тоже заняла свою ничтожную позицию в левом краю грязного куска пирога из тел. Мы все были вместе — вместе, но непонятно с кем. Это единство слепое не могло не умилять. Аккуратно расчертил гигантский карандаш безукоризненную взрывную

линию. Все отскочили пружинами в стороны. Большая голова чья-то упала прямо мне под ноги, тактично указав на несовершенство моего намерения бежать дальше.

Крики абсолютно неестественные, до смерти пугающие, неожиданно обрывались, а потом вновь появлялись, провоцируя животный страх. Все смешались в один цвет — цвет бурого дерьма с кровью. Нельзя было отличить союзников от врагов. Вдруг потерялась в пороховом лесу, не понимая, кого должна искать. Я нанесла несколько хаотичных ударов штыком и один из моих выпадов все же принес результат. Захлебываясь кровью, невезучий смуглый парень, с которым сегодня грубо обошлась судьба, прижимал руки к шее, старательно сдерживая густой красный ручеек. Осознав, что так все закончиться не может, я выстрелила в него два раза, чтобы прекратить этот бесчеловечный спектакль.

Двинулась дальше, нагнав воодушевленные кучки вояк, которые, судя по всему, просто безбожно месили друг друга, даже не разбираясь в том, кто какую сторону принимает. На меня со спины набросился крупный солдат, потерявший свое оружие. Все случилось неожиданно, я была знатно ошарашена — мы свалились на землю, и он начал голыми руками делать отбивную из моего лица. Сопротивляться не получалось, противник был слишком большим и вдобавок разъяренным — сидя на мне, громила полностью контролировал ситуацию. Противный хруст — вероятнее всего, мой нос решил сдаться. Лицо горело, я чувствовала, как оно расплывается и стекает вниз. Подумала, что обидно было бы умереть именно такой смертью — пережить пару-другую боев, плен, пытки, битву с психами в госпитале и в итоге сдохнуть от подобной кулачной импровизации. Один мой глаз перестал открывался — я прямо-таки обнадеживающе подмигивала своему убийце, который шипя от ярости, с душой отдавал мне все припасенные на черный день удары.

Время замедлилось и началась тяжелая битва на истощение. Я чудом оставалась в сознании, тело размякло и потяжелело, рот печально приоткрылся. Верзила, по всей видимости, тоже порядочно устал, пропала подпитка энтузиазма — кулак заключал союз с моим лицом все реже, а удары стали явно слабее. Я, собравшись со всеми силами, постаралась столкнуть с себя великана, но ничего не вышло — он больше меня не молотил, ввиду отсутствия сил, но удерживал достойно. Меня вдруг пронзило непонятное ощущение, схожее с предчувствием опасности — в ту же секунду послышался свист, и круглая голова здоровяка сочно разломилась пополам, словно спелый арбуз. Я встrepенулась и, поднатужившись, кое-как скинула тяжелое

бездыханное тело с себя. Подняться на ноги получилось лишь со второго раза. Категорически нельзя было просиживать задницу, ведь шанс принять эстафету с пулей в черепушке повышался.

Не оглядываясь назад, я зигзагами побежала в сторону своих. К несчастью, добрая половина «моих» уже стала экзотическим ингредиентом в составе кровавого коктейля и процесс поиска затянулся. Я заметно уступала в степени жесткости многим из тех, кто сейчас с удовольствием протыкал и простреливал лица друг другу и по этой причине, неслабо растерявшись, спряталась за руинами ближайшего здания. Зрачки расширились, глаза беспокойно забегали по сторонам, стараясь обнаружить хотя бы одну знакомую фигуру. Безуспешно. Одна часть наших была уже слишком далеко отсюда, а вторая — совсем рядом, но, к великому сожалению, удобряла землю.

Зажмурившись, представляла, что участником этих событий я не являюсь, а просто наблюдаю за происходящим — так было гораздо легче. Серые стены невыносимо давили и пугали. Искромсанная постройка, укрывавшая меня, держалась на божьем слове. Не верилось, что еще недавно в этом здании жили люди, обычные люди, которые вряд ли догадывались о том, что скоро все превратится в прах. Чувствовала на себе осуждающие взгляды миражных жителей, навсегда сроднившихся с фундаментом. Они окружали меня и сводили с ума, рыдали и показывали безобразные лица. Умоляли, крича, чтобы я осталась здесь навсегда, отдала долг и страдала вместе с ними. Стало трудно дышать. Вдалеке пробежал еще один вражеский солдат, утащив за собой мою надежду на благоприятный исход событий. Я удрученно отвернулась и отползла от выступа.

Взгляд резко упал на разбитое зеркальце, валявшееся в метре от меня.

Оно помогло убедиться в подлинности наличия у меня сломанного носа и фиолетово-синего лица. Спасибо, что осталась в живых. Еще с полминуты покрасовавшись, решила снова подползти к краю, чтобы изредка поглядывать на поле. Я уже почти смирилась с тем, что никого найти не удастся, как вдруг, в сотый раз выглянув из-за угла, заметила своего товарища, который пригнувшись бежал прямо в мою сторону. Это был тот самый товарищ, который накануне одолжил мне «Закон насилия и любви» Толстого. Тот самый товарищ, который бежал сейчас прямо ко мне, но меня все же не замечал. Из груди непроизвольно вырвался радостный вопль.

Приятель мой, наконец, заметил затравленную, но на редкость радостную рожицу, выглядывающую из-за угла серого каркаса. Мы безумно посмотрели друг на друга и молча обнялись. Было очевидно,

что он тоже отстал от толпы и потерялся, боясь угодить к врагам. Острое потрясение сменилось стабильными показателями ежедневного милитаристского напряжения.

Слегка успокоившись, мы обсудили нашу ситуацию, поговорили о всяких глупостях и даже немного посмеялись. Где-то совсем рядом прогремел взрыв, и здание начало неприятно лихорадить. Минутное замешательство могло свободно стать причиной смерти. Оказавшись вместе, мы почувствовали явный прилив сил, возросло желание бороться с подступающим испугом.

Вокруг все еще был кромешный ад, но другого нам не предлагали уже пятнадцатый месяц. Переглянувшись, мы решили, что пора выдвигаться. Ничего не предвещало беды, но она все же случилась и выступила на высшем уровне, буквально превзойдя саму себя. Несмотря на мои уговоры, первым из укрытия вышел приятель — он оглянулся по сторонам и аккуратно двинулся вперед, показывая мне глуповатыми жестами, что все в порядке. Я пошла ровно по протоптанной дорожке, сознательно сохраняя дистанцию в пятнадцать-двадцать метров. Все шло на удивление гладко, мы уже почти отошли от здания, в котором сидели, как вдруг мой нетерпеливый товарищ, почувствовав острую концентрацию удачи, решил весьма вовремя ускориться, перейдя на нелепый бег трусцой. Я несколько раз постаралась шепотом окликнуть его, но он прочно уверовал в истинную ценность своего марафона и, прихрамывая, несясь вперед, не забывая изредка смотреть в мою сторону и победно улыбаться.

Не заметить нас было бы великим грехом, и грешников, судя по всему, не нашлось. Дальше все пошло через толстенную задницу. Послышались выстрелы, где-то совсем рядом пролетела пуля. Наш, и без того идиотский и диковатый, темп загнулся под влиянием выпрыгивающих из груди сердец.

Приятель мой совершил огромную ошибку, решив еще сильнее ускориться, надеясь на победу в догонялках с пулями. Перед моими глазами уже всплывало знакомое изрешеченное тело, из каждой дырки которого мерно вытекала своя струйка бурой крови. Представляла простреленную голову, которая еще недавно разговаривала со мной и громко смеялась.

Представляла абсолютно все, кроме того, что действительно произошло.

Заметавшись по сторонам, в надежде избежать нежеланной близости с выстрелами, товарищ мой, разумеется, позабыл об осторожности. Первые два прыжка получились поистине грациозными, но третий

оказался роковым — под резвыми ногами с грохотом разорвалась мина, давно поджидавшая такого энергичного посетителя. Товарищ мой, мягко говоря, разлетелся на куски, которые через полсекунды после взрыва драматично застыли в воздухе, чтобы усилить шок и отвращение. Ничего различимого там не осталось — дождем мягко, почти неразлично, пролились алые капли и уже более явно туго попадали острыми осколками безобразные останки. Мое лицо и форму заляпало мясными ошметками и после минуты шока с отстраненным взглядом в комплекте, я упала на колени, выbleвав свои впечатления на траву.

Дольше пребывать в шоке не получалось, потому что жуткая серия выстрелов повторилась еще два раза. Я, потерянная и трясущаяся, жалким червем поползла назад в сторону того самого здания, откуда двадцать минут тому назад ушла. Снова обшарпанный угол, снова животный страх, снова невыносимая беспомощность с абсолютным незнанием правил. Я прислонилась затылком к стене и закрыла глаза. Стала легче в тысячу раз, меня понесло куда-то вдаль по пластиковым зеленым полям, которые странно манили и звали. Ветер колючий мой дух пропитал и дернул пластмассовое небо за косы. Я тоже стала кукольной, жутко смешной, шагающей вдоль дорог, усыпанных гравием и лепестками изрезанных красных роз. Так бы и осталась в мире грез, но вдруг услышала шорох за столбом, располагавшемся в десяти метрах от пальцев моей правой ноги, которую я безвольно и вальяжно вытянула, просто по-скотски устав.

Глава 13

Шорох был одним из тех шорохов, что я искренне ненавидела — мерзкий и вкрадчивый, обязательно обещающий что-то не очень приятное. Но я была настолько напугана нитью последних событий, что бояться решительно не было смысла, во что бы то ни стало решила найти источник звука. Поднялась на ноги, поковыляла в сторону ветхого серого столба, ожидала там увидеть совершенно любую картину — хоть девять собак, грызущих слона, хоть шесть голых дам с зонтами в руках, хоть военных, считающих черных овец, зарезанных ради немого тепла. Но все же я удивилась слегка, увидев за ветхим серым столбом обычного горе-врага. Он был молодым, невысоким и бледным, лежал с огромной уродливой раной в боку, в глазах его плыли льдины в крови и ужас мешался со злом, которое было накоплено здесь, в краю озверевших людей. Я тоже напугана была знатно, если уж честно, не знала, как себя вести — оружие оставила в своем уголке и опрометчивость отложила потребность в выборе между солдатом и человеком.

Враг, завидев, что я не стреляю, напрягся в тысячу раз сильнее — нарушилась закономерность греха. Все оказалось совсем не так, как я это себе представляла. Он такой же, как я — я такая же, как он. Два загрубевших жалких червя на крючке беспощадной борьбы, мы слишком плохая нажива, не откроются разом огромные рты, чтобы нас проглотить с потрохами. Оба дряхлые, без остатка сил, еще не мертвы, но огулом в гробах, продолжаем свой адский путь.

Я рядом присела, он слегка отстранился, в тишине прошел целый час. После сотни натяжных вздохов, покой вдруг начал непривычно давить, мы прекрасно знали, что дальше будет лишь хуже и кто-то из нас должен подать голос. Я задала вопрос совершенно глупый, глупее вряд ли возможно задать — он посмотрел на меня недоверчиво, но, немного подумав, стал отвечать.

Слова разгорались со скоростью страшной, огонь перешел на наши сердца — через четверть часа мы славно общались, как могут общаться только друзья. Все же враг оказался человеком самым обычным, отсутствовал тошнотный злодейский облик, который нам резво внушали годами — выходит, что он никакой не враг. Но ведь он убивал подобных мне — да бил не раз, стирал в пыль их кости. Разве я не была подобных ему, забивая в гробы последние гвозди? И выдох.

Здесь явно не рассудить, кто прав — вид наших лиц потерянных этому свидетель. Мы оба лишь жалкие куклы-убийцы в руках больших кукловодов-убийц — наши тряпичные, бесхребетные туши пускают туда, где нельзя все решить договором жиром заплывших лиц. Неприятная куча наших презрений сровнялась с мирным песком солидарности — чувство спокойствия, уже забытое, любезно решило посетить и нас.

Мой новый знакомый и бывший враг выглядел до невозможности худо — вспомнила про рану в его боку, изводившую мерзко слабеющий стан.

Стесняясь, сморщившись, решила спросить, куда изувеченный должен попасть — он мне назвал упавшим голосом горько точку за двадцать верст от нас. Я весьма шатко, сама себе не веря, обещала, что, бесспорно, ему помогу — в голове хватались друг за друга сомнения, хоровады водили вокруг моих дум. Он все разом прервал, посмотрев на меня, заявив, что не в силах даже подняться — рана медленно красит тело его нежно-белое в черно-красный.

Постаравшись беднягу слегка ободрить, я сразу же бросила эту затею — жестоко и глупо давать надежду тому, кто уже вполнину с хрящами съеден.

Мы просто стали смотреть друг на друга, прекрасно зная расклад событий, на минуту вернулась щепотка злости, в его смурном взгляде ее было видно. Мне стало безумно грузно и муторно, тугим оборотом сменялись секунды — я ненавидела чужую рану, страдающего, все на свете ужасы, серых зданий крыши и комнаты старые, сгнившую ногу с штаниной задранной, пулю в виске, перекошенный рот, в котором не селятся больше слова. Нестерпимо было находиться здесь, понимая хотя бы процент от сотни, который глаза прожигал окурком из слюнявой пасти инвалида-родины. И вздох. Внезапно послышался новый шорох, совсем непохожий на знакомый прошлый — я, понятное дело, напряглась, раненый насилу напрягся тоже. Будто с нами говорило здание, стараясь открыть маяки-секреты, я начала пятиться к своему оружию, руки тряслись, тяжелели веки. Из-за угла показалась широкая морда, упал возбужденный звериный взгляд на меня, а после сразу впился в раненого, заметно ослабшего за последний час.

Вышагнул гордо крепкий солдат, распрямил плечи и гадко сплюнул — до того, как я успела открыть рот, он уже выпустил в лежащего пулю. В глазах помутнело, я съехала по стенке, беспомощно шевеля губами — старалась найти всему оправдание, но неизбежно блекло знамя, которое нас заставляли нести в мороз и жару, шагая по трупам. Ради забавы, еще два раза он с удовольствием выстрелил в поникшую голову — кровь стекала рекою с дырявого лба, в этой реке чинно плавилось олово. Из олова изготовят посуду, в ней весело будет плескаться пойло, выжатое из обессилевших тел, которым никогда не бывает больно.

У солдата нашивка как у меня, он подходит ближе, хлопает по плечу — я не могу оторвать взгляд от мертвой туши, его творения, грязной работы. О чем-то болтает без умолку, иногда противно смеется и запрокидывает свою голову — он совершенное дитя, воспитанное в самых худших условиях. Его почти не пугает жизнь, смерть страшит в десятки раз меньше, леса голов на обрубленных шеях, пальцы, бегущие по батареям, желтые зубы, грызущие тело, ноздри, вдохнувшие прах и землю, кишки, прилипшие к стенкам туннелей, оторванный торс на старой качели, рваные банты, платья и перья, детские крики, взрослые стоны, стеклянные взгляды — привычное дело. Он с пугающей легкостью поднял меня на ноги, подхватил под руку и повел с собой. Дорога предстояла совсем не простая. Глубоко внутри появилась слабая надежда, что мы можем подорваться на mine. Прошу.

Глава 14

Мы вернулись. Благополучно вернулись и осели, пустив корни в дохлую землю. Смотрю в лица моих товарищей и вижу тупые гримасы, которые

все меньше раздражают и все больше вызывают слепое понимание. Умирают нынче пачками, их даже не успевают считать, вернее, считать и не пробуют. А может, все так и должно быть? Зачем сопротивляться тому, что может раздавить тебя, не моргнув глазом? Глупые, глупые малыши.

Куда делись мои мысли о мертвецах, которых я видела, с которыми рядом сидела и разговаривала? Так вот, меня отпускает. Больше не страшно, не страшно от слова совсем. Хочется этим похвастаться. Все исчезают быстро и безвозвратно. Веселая детвора с плакатов перестала навечно мне улыбаться. Я обжираюсь седативными — в этом мой секрет полишинеля.

Всякого дерьма тут, к огромному счастью, навалом. Да здравствует чертова хладобойня!

Глава 15

Проснулась в мрачном зале, холодно было до ужаса. Лежала, съежившись и дрожа, в непонятном сыром углублении. Кое-как поднялась на ноги. Похоже на заброшенный бассейн, но этажей слишком уж много и все открыты. Лестницы в неестественных местах, дырки для сливов в стенах.

Начала звать товарищей, но не получила ответа — должно быть, осталась в полном одиночестве. Огляделась, ужаснулась размерам этого жуткого здания. Везде темно и пусто, в конце зала красуются голубые двери с облупленной краской. Медленно двинулась в сторону дверей, услышала приглушенные нечеловеческие крики этажом выше. Что-то учуяло меня и теперь бежало ко мне, топая и визжа.

Я, испугавшись до смерти, прислонилась спиной к ближайшей стенке и замерла. Шум приближался и заставлял меня все сильнее трястись от неконтролируемого страха. Уже совсем рядом. Двери начали вибрировать и распахнулись. Я обомлела, когда в зал ввалились громадные черные обезьяны с безумными мордами, на которых застыл глуповатый, но весьма пугающий оскал. Они увидели меня и засуетились, прыгая и крича.

Постепенно начали приближаться, не сводя с меня налитых кровью глаз. Я смотрела на неказистые фигуры обезьян и верно продолжала сходить с ума. Хотелось бежать, но чувство испуга было настолько сильным, что я не могла пошевелиться. Они совсем рядом. Не могу понять, что за чертовщина здесь происходит.

Вот меня уже крепко и больно хватают цепкими пальцами самые рослые из стаи. Нагло трясут и продолжают невыносимо кричать. Голова моя раскалывается, кажется, вот-вот лопнет и разлетится на мелкие куски, заляпав страшные морды. Обезьяны, убедившись, что я достаточно слаба и не в силах сбежать, любезно дарят мне возможность передвигаться самостоятельно, но изредка толкают в спину, чтобы ускорить мой заунывный темп ходьбы. Мы минуем дверь и попадаем в тесное прохладное помещение, которое оказывается лестничной площадкой. Спускаемся ниже. Чрезмерно торопят, и я, пропустив три ступени разом, ожидаемо спотыкаюсь, налетев на одного из своих грозных сопровождающих. Это ужасно злит стаю и мою жалкую фигуру вновь начинают противнейшим образом трясти, крича и скаля острые желтые зубы — я зажмуриваюсь от головной боли. По-идиотски подхватив меня, обезьяны продолжают путь.

Мы, не останавливаясь, спускаемся все ниже и ниже, пока, наконец, не показывается неровное дно.

Проходим через длинный коридор, в котором уже давно нет освещения — я ничего не вижу, но обезьяны прекрасно ориентируются и невозмутимо волочат меня дальше. Попадаем в огромный серый зал, по периметру которого развешаны непонятные объекты, которые не получается нормально рассмотреть из-за отсутствия освещения. Обезьяны начинают хаотично бегать по залу, от чего мне становится не по себе. Луч тусклого голубоватого света опускается на нас откуда-то сверху и все прорисовывается до мельчайших подробностей — на крюках висят высохшие человеческие тела, тела в форме, совсем как у меня. Я, невольно вскрикнув, начинаю отходить назад. Сердце бешенствует, словно его стараются вырвать голыми руками.

Нахожу в себе силы на побег.

Не оборачиваясь, несусь к заветному коридору, наощупь по нему пробираюсь, ударяясь лицом о появляющиеся из темноты стенки.

Разъяренные обезьяны пускаются в погоню, я делаю такой вывод из приближающихся диких криков и глухих ударов по стенам. Все преимущества на их стороне, и они это, кажется, прекрасно понимают. Невероятным образом выбираюсь на лестничную клетку и устремляюсь вверх. Миновав пять или шесть никчемных ступенек, я получаю тяжелый удар в спину. Меня ловко хватают за ногу и забирают назад — в миниатюрный ад телес. Я сдавленно рыдаю и не теряю надежды ухватиться за каждый новый выступ, но любая такая попытка сразу же пресекается болезненной оплеухой. Вновь оказываюсь в ужасном зале, который повергает меня в трепет. Обезьяны хватают меня и несут

в угол, я стараюсь отбиваться, но это, очевидно, безуспешно. Скрючиваюсь в углу, хватают за большую голову и с размаху швыряют о стену. Вспышка самых отвратных ощущений на свете. Отключаюсь.

Прихожу в себя от непонятной боли в спине. Руки бесчеловечно связаны за спиной. Ноги тоже связаны и не достают до грязного пола. Обезьяны вприпрыжку покидают зал, изредка поворачиваясь, чтобы взглянуть на меня. Пусто. Я повисла на крюке в подвальной помещении старого бассейна с кучей высушенных мертвецов, к которым скоро присоединюсь. Кричу, неизвестно на что надеюсь, и вскоре теряю голос. Закрываю глаза и вслушиваюсь в звуки наверху. Обезьяны продолжают мерзко кричать и топтать. Вдруг они замолкают. Идеальная тишина. Совсем рядом слышу непонятный хруст, открываю глаза и начинаю наблюдать за тем, как вяленые трупы слезают с крюков, барахтаясь и шевеля хрупкими челюстями.

Мертвечина разбредается по залу и начинает тихо стонать, натываясь на стены. Я раскачиваюсь на крюке, стараясь сорваться, но острие входит в меня еще глубже, не давая шанса на спасение. Мертвецы не признают меня, ведь я еще не высохла. Сталкиваясь с моими ногами, они бездумно пятятся и продолжают нарезать круги по мрачному залу. Их завывания пропитаны желчью и ненавистью. Военная форма давно потрескалась и навечно срослась с их хрупкими телами. Судя по всему, она доставляет им сильнейшие страдания, которые невозможно прекратить или облегчить.

Оказывается, в аду не так уж и жарко, скорее даже неприятно холодно.

Ад этот совсем не похож на тот, который мы все привыкли представлять, читая Данте и Мильтона. Он тих, дремуч и тесен, но тем не менее, места ужаснее вовек не сыскать. Обезьяны, как по расписанию, снова закричали, заставив меня скорчиться. Вновь закрыла глаза. Обезьяньи крики смешались с горькими стонами высохших солдат — эта композиция без труда обошла все самые отвратительные звуки разом. Глаза пришлось открыть. Я до невозможности ослабла и, вероятно, начала терять сознание — голова закружилась, по телу разлилось уже забытое тепло. Мертвецы синхронно начали возвращаться к своим родным крюкам. Вот запрыгнул на острие первый, за ним второй, а за первым и вторым — все остальные. Стоны трупов слились в один, обезьяний рев стал в тысячу раз громче. Я не выдерживала, тело обмякло и глаза в который раз начали закрываться. Очередной шумовой волне уже не удалось меня накрыть. Как прекрасен стал сон после смерти! То был мой долгожданный триумф посреди океана мучений.

Пусть я сохнусь, но только в дреме, позабыв про ревы и стоны, слезно тебя молю!

Глава 16

Стоит признаться, превысила все допустимые дозы. Очнулась испачканной в продуктах собственного производства, мучительно ныла спина, которую я, находясь в опасном приключении, расчесала почти до мяса. Пора отказываться от звания аптечного гурмана и завязывать с препаратами. Храню фунт презрения к самой себе, но не могу смириться с легкой доступностью всех видов отравы. Другие тоже балуются этим, но тщательно скрывают свои пристрастия — держатся и выглядят в разы лучше, чем я, истощенная и больная пациентка военного врача-смерти. Дико тяжело себя не изводить. Это доставляет мне вагон удовольствия.

Когда-нибудь мои неординарные наклонности повлекут за собой необратимые последствия — будет поздно что-то менять. Уверена, что для меня изготовят слишком маленький гроб, в который тело просто-напросто не поместится, согнется в три погибели и с хрустом надломится. В яму полуоткрытый гроб все равно кинут — не пропадать же добру. Десятки гладких пустых лиц заметно смутятся. Все наигранно поплачут, понимая, что покойница сама во всем виновата и разойдутся по домам. Вот досада!

Глава 17

Все явно начинают к чему-то готовиться, но пока не особо понятно к чему. Витает в воздухе боль глупых умов, собранных воедино таинственным происшествием. Шепчутся, испуганно переглядываются, ведут себя непривычно тихо. Никто не может объяснить мне причину спрятанной на глубине нервозности. Тащатся сомнамбулами, жуткие, серые, сталкиваются друг с другом в проходах и молча расходятся, смотря вдаль. Стены пропитываются едким страхом, который маниакально стараются скрыть.

Случаются всплески лживой бодрости, направленной на поднятие общего духа, заметно сломленного и чахлого, избитого до полусмерти, выдохшегося в бесконечных схватках и набегах. Выстрелом в грудь ощущается каждая пустяковая новость, которую нам сообщают, каждый шорох заставляет содрогаться, каждый вздох становится теперь общим. Тем не менее, нас ни на секунду не перестают уверять в том, что везде все хорошо. Самые главные и беспринципные трусы скрывают большую часть информации, это очевидно.

Я невольно подхватываю боязливый вирус и тоже обретаю малоприятные симптомы. Пропадает аппетит, ухудшается сон, появляется сильнейшая слабость, переходящая в волнительные судороги. Чувство, которое я испытываю, знакомо каждому — это чувство детского отчаяния, вызванное абсолютной убежденностью в наихудшем исходе событий. Такое чувство возникает неожиданно и нагло встает в пространство меж ребер. Дураку ясно, что вытащить его оттуда до раскрытия страшной тайны — невозможно. И как всем известно — убивает не сама новость, а жизнь в ее ожидании. Именно поэтому в моей голове все чаще появляются мысли, в которых нетерпеливый выстрел в висок обрастает положительными тенденциями. Волны безумия накрывают нас еще несколько дней, не давая сделать вдох. Все, наконец, проясняется, когда мы начинаем собираться... Шансы на победу исчерпаны, это последняя бойня, вылепленная из уязвленного самолюбия и ребяческой гордости.

Вот мы идем, злые и поникшие, неказистые деревянные бойцы, готовые сгореть дотла. Лица шоковые, перекошенные, серовато-лунные сползают к шее мертвым грузом. Страшно умирать, но еще страшнее проиграть. Каски съехали ожившими холмами, глаза жертвенно хватаются за каждый новый объект на обочине — надежда, зацепившись, остаться, не покидает умы потенциальных покойников.

Оказавшись на месте, все успокаиваются — бояться уже бессмысленно, это очевидный конец, которого стоило ожидать с самого начала. Все по сценарию, который сегодня чуть пессимистичнее, нежели обычно. В танце кружатся руки и ноги, их разделенные пары, зачастую даже короткие отрезки. Я, оглушенная, выбегаю из укрытия и бегу вперед, абсолютно не понимая цель своего маленького централизованного наступления. Напрасно выгуливаю пули, машу руками и кричу, стараясь отпугнуть смерть от себя.

Под ноги мне падает безголовое тело, струной натянутое, страшно изорванное, немногословное и пророчески-печальное. Перешагиваю, снова в неизвестный путь, что полон сваренных органов, обугленных тел и выпавших яблок глазных, попавших в воронку зверской ярости ликующих победителей. Струйки крови застывают в воздухе, виной тому не аномальный холод, время останавливается для тех, кто бесповоротно увяз в болоте мук — набивается в легкие тина, появляются хрипы в дыхании, плевки зеленой мокротой на пол, объясняют конфуз состояния. Головы ясные подряд пробиваются единой линией, мозги мякнут, небольшое удивление сменяется полным принятием, абсолютным спокойствием, умиротворением. Уже не видно знакомых

лиц, каждое обезображено гаже некуда — уши оторваны, носы еле-еле висят на кожных ниточках, готовы к синхронному акту падения.

Толкает вперед меня мощь ужаса, такое было уже не раз, толкаю воображаемых противников, стреляю вновь, не стремясь попасть. Что-то взлетает грациозным трением с формами абстрактными мирясь — словно образ неземного творения, отвергающий местную власть. За объектом в воздухе хвостом тащится красных лохмотьев узел, скомплектованный донельзя знакомым образом. Летящий руки расставил, кажется, в знак примиренческих долгих объятий, нужных и важных сейчас. Но крыльев нет, и фигура падает в паре шагов от меня — это треть солдата, украшенная гирляндой из обрывков оставшихся внутренностей, голых, скользких и словно живущих отдельной жизнью, спокойной на вид. Наступление для меня закончилось, бегу зигзагами, укрываясь старательно от всех видимых и невидимых бед. Неугомонные залпы злосчастных орудий шугают меня, как ребенка малого, ползу отчаянно, головой стучаясь об острый угол и немой комод. Неожиданно хаос темпы снижает, замедляется бег, не трясется земля, крики медленно исчезают, выстрелы тише, не верю глазам.

Очищается все, совершенно все, беспощадно ластиком по кровавому полю проходится неизвестный Бог. Белая степь, легкий ветер и солнце, сижу и грежу о благополучном конце, смотря на небо из дешевого пластика, на мир и войну в одном лице. Опускаю глаза, мои ноги исчезли, их тоже, верно, задела ластиком — это не самая большая проблема, главное, подольше в степи остаться. Тело пульсирует, немеет, горит, мерзнет, молчит и кричит одновременно — сопротивляется обстоятельствам мерзким, весьма стеснительно и неуверенно. Я в степь чистую впиваюсь зубами, солнце валуном катится в мою сторону, пора уходить, покидать края, в которых уютно, не хуже, чем дома. Отдаю, не жалея ни капли, свое, пускай подавятся, засунут поглубже ноги мои несчастные в глотки свои отвратительно грязные и перерезанные острым краем звезды победного дня. Вполовину мертвая, причем буквально, засыпаю сладко на злобу врагам, убедившись в их страшных и неискупимых грехах — по подсчету потерянных молодых голов, победа, уверенно достается нам.

Глава 18

До жути тяжело открывать глаза — по запаху понимаю, что родной госпиталь вновь принял меня в свои липкие объятия. Уйма ячеек, вмещающих группу стонущих коконов, находящихся при смерти. Компания не самая приятная, отнюдь не веселая, но зато моя — лежат младенцами, взгляды в потолок, эмоции смешаны травматическим

опытом, беспомощность застряла острой костью в глотке. Мы все здесь находимся в огромной коллекции, которую собирает глава войны. И представить не могла, что все так закончится, хотя прекрасно знала о подобных исходах.

Думала: «Со всеми, допустим, такое бывает, но разве может так случиться со мной?»

Не верила в боев бесконечную муку, оглушающих выстрелов рвотный звук, в смерть, возникшую из ниоткуда, хребет, обвивающийся вокруг рук, оторванных ради немного счастья самых несчастных людей на Земле. Не верила, что я навсегда запомню каждое слово в составе мольбы, исходящей из уст самых разных фигур, желающих выжить в чужом бою.

Верить не получалось и в то, что реальность действительно так глупа — обвиняющий нас в групповой слепоте себе вязким клеем залил глаза. Мы, малые лебеди, стремительно тонем, после сотни резких ударов штыком, а они ежечасно привозят новых, заменяя сырье таким же сырьем. Из наших тел худых постепенно лепится толстый и гордый герой; разница в том, что тела наши мертвые, а герой — навсегда живой.

Глава 19

Возвращаюсь туда, откуда уходила. Дом милый с аккуратной лужайкой, собака радостно бежит навстречу. Появляются люди, прекрасные люди, счастливые люди, люди плачут. Их лица гладкие, глаза большие и слезы формой, как купол церкви. И я в объятиях, мне страшно очень, сжимают руки худые плечи, вздыхаю томно, стараюсь вымолвить хоть одно слово — слово жалкое, но до жути важное, которое нельзя пропустить и бросить.

Сказать, однако, ничего не могу, из меня вырывается тихий стон, беспощадно теряется в чаще счастья, на меня изливающегося из груди каждого, кто в кругу теплом. Непривычно, что встать я никак не могу — уязвленно смотрю на обрубки свои, ехидно хихикающие изнутри. Уют домашний постарался очень, но не собрался пазл, и я резко вылетела из большой картины, на которой мой мир открестился от мира, где царит уют и нет нужды в силе.

Мы попадаем внутрь, диван в гостиной, стол большой и мой взгляд потерянный, прорывается лишь нервный смех и всхлипы тех, кто глаз сомкнуть не мог долгими неделями. Меня ждали, ждали так, как не ждали никого раньше, это чувствуется сразу. Я радоваться почему-то совсем не могу, тщетно стараюсь себя заставить. Хочется очень, но не могу. Не могу никак.

Опасной волною холодный удар — бьет по затылку размашисто первый мой истинный враг, который вобрал в себя опыт прошлого. Обрубки адской пульсацией призрачной меня продолжают сводить с ума. Сажу на старом нашем мягком кресле, вдруг оно выпускает две тысячи игл, пронзающих плоть и врезающих мясо, горю и пытливо осматриваюсь в поисках помощи. Неужели не видно, что что-то со мною не так? Обрубки хохочут вовсю, плюются и что-то жуют, несут несусветную гадкую чушь — становится трудно терпеть. Из зашитых бугров на меня уставилась пара маленьких черных глазок — немигающим взглядом, изучают калеку, вывернутую наизнанку ужасом, страдающий спекшийся мозг которой вытекает, ужасно смердя.

Лицо уже, очевидно, красное, трясет всю, жалко утробно хриплю и ко мне, наконец, подходят — руки прикладывают к мокрому лбу, гладят по ноющей голове, говорят бесчисленность ласковых слов, которые я уношу с собой в сон. Во сне. До сих пор во сне.

А годы бегут,

Я все так же на месте,

Сплю под кишкой обороны.

У страны ныне мирное пищеварение,

Однако в фекалиях сплошь патроны.

Во сне.

Перед последним рядовым пробуждением ко мне приходит слепое дитя, садится рядом на край кровати, тихо плачет и целует в глаза. Лицо крохотное, кожа прозрачная, синеватый оттенок на тонких губах — малютку поменьше, хрупкое тельце, качает на тонких костлявых руках.

Наконец дождалась...

Земля спала обнаженной и мучительной, как мать, с которой сползло одеяло.

Андрей Платонов «Чевенгур»